

20 ОКТ 1951

ОБЩЕСТВЕННОЕ ИСКУССТВО

Ответственная задача и ее решение

Всеволод Аксенов открыл сезон художественного чтения в Доме ученых программой «За Родину! За мир!».

Программа вечера, исключая несколько произведений Н. Тихонова и стихотворения Назыма Хикмета, была точным повторением выступлений В. Аксенова, уже давно и много раз слышанных. Оставляя на совести мастера его решение выступить со старой программой, рассмотрим ее самое и как она исполняется.

Чрезвычайная пестрота программы и слабая тематическая связь между ее отдельными частями заставляют думать, что чтец готовился к ответственной выступлению без обдуманного плана, используя репертуарные запасы, накопленные за многие годы работы на эстраде.

Когда эта программа исполнялась впервые, ее рыхлость могла быть отчасти оправдана новизной задачи, поставленной перед собой В. Аксеновым, — показать борьбу за мир простых людей всего мира. Раскрывающие тему патриотизма материалы, привлеченные главным образом из русской и переводной классики, звучали тогда свежо и смело. Теперь же, когда возможности для полноценного отражения этой темы неизмеримо расширились, программа, показанная в Доме ученых, никак не может быть признана удовлетворительной.

За исключением превосходно прочитанного стихотворения М. Исаковского «Слово к товарищу Сталину», открывающего программу, все первое отделение по характеру включенных в него материалов вызывает сомнение. Произведения Пушкина, Одоевского, Байрона, Мицкевича, Ботева, Гюго, Лермонтова, Блока и Гоголя привлечены к теме «За Родину! За мир!» в столь различных аспектах, в таком многообразии мировоззренческих позиций, что это сводит на нет идейно-политическую целеустремленность, непосредственное пропагандистское воздействие всего первого отделения. Основной темой отделения должна была стать тема советского патриотизма, тогда как революционно-патриотические тенденции в произведениях русских и иностранных классиков имели право лишь на эпиграфическую роль. Между тем в программе нагромождены далекие ассоциации с политическими событиями XIX века: с восстанием декабристов, зарождением луддитского движения в Англии, революцией 1848 года в Австрийской империи, Парижской Коммуной 1871 года.

Чтение стихов — труднейшее искусство. Всеволод Аксенов читает очень хорошо. Его простота, содержательность эмоциональной палитры, отсутствие нажимов — все это, несомненно, является следствием длительной работы по овладению всеми сложностями искусства чтеца. Аксенов любит родную речь. Русский язык у него звучен, чист, поэтичен и музыкален.

Стихи «Слово к товарищу Сталину» М. Исаковского, «Арion» Пушкина, «Родина» Лермонтова, «Россия» Блока, «Красное и белое» и «Речь моего друга Самеда Вургуна на обеде в Лондоне» К. Симонова, стихи Н. Тихонова о Варшавском Конгрессе и стихотворение Г. Рублева «Солдаты мира» исполнены безупречно.

Ошибкой исполнителя является включение в цикл о Родине стихотворения Блока «Грешить бесстыдно, непобудно». Вырванное из контекста эпохи и творчества поэта, оно звучит в программе явным диссонансом, дез-

ориентирующим слушателей. Не вполне удовлетворяет чтение стихов Маяковского: «Стихи о советском паспорте», «Блэк энд уайт» и «Лучший стих». Совершенно незаметно для самого исполнителя в манеру его чтения этих стихов вкрадывается «неглижирование» поэтическим материалом. Возникает неприятный оттенок развязности и «шпростотцы». Аксенов как бы считает нужным, отдавая дань порочным исполнительским традициям, снизить интеллигентность и благородство своего исполнительского облика ради ложно ощущаемой народности.

Несколько слов о рассказе Л. Хьюза «Родина». Трудно судить о качестве этого произведения, не зная его в подлиннике. В переводе же оно — на грани чувствительной мелодраматичности. И если В. Аксенов счастливо преодолевает эту опасность искренним и задушевным исполнением, то тем резче выступает другой недостаток рассказа: написанный много лет назад, он ничего не говорит о совместной борьбе трудящихся США — и белых и цветных — против фашизации страны, против расовой дискриминации, за подлинную демократию, за мир, вызывая у слушателей враждебное отношение ко всем белым людям Америки вообще.

Наконец, коротко об исполнении включенных в программу публицистических материалов: речей Байрона, Димитрова, Барбюса и письма Гюго бельгийскому правительству. Речь Байрона трактует о столь далеком прошлом английского рабочего движения, что конкретное содержание ее почти не воспринимается и чтение приобретает характер отвлеченной патетической декламации. Уж лучше бы Аксенов читал стихи Байрона, художественные образы которых, хоть они и относятся к далекому прошлому, были бы гораздо более действенными. То же самое можно сказать и о письме Виктора Гюго: у знаменитого французского писателя есть ряд пламенных стихов против Наполеона III и реакции той эпохи.

И эти две ошибки тем более досадны, что использование в программе публицистического материала — находка Всеволода Аксенова. Это ярко и убедительно доказывается исполнением отрывков из речи Димитрова на Лейпцигском процессе и выступления Анри Барбюса на Международном юношеском конгрессе в 1933 году. Они слушаются с напряженным вниманием и находят горячий отклик у аудитории. Жаль только, что отрывок из речи Димитрова так короток, — пламенные слова замечательного революционера, разящие и сегодняшних фашистов и их покровителей, хочется слушать еще и еще. Можно посоветовать В. Аксенову выбрать для исполнения отрывки из новых материалов этого же плана, например, из речей Фредерика Жолио-Кюри, А. Фадеева или И. Эренбурга, посвященных борьбе за мир.

Каково же общее впечатление от программы В. Аксенова? Покидая зал после окончания программы, испытываешь сложные и противоречивые чувства. С одной стороны, это чувство благодарности к одаренному артисту за прекрасное исполнение, а с другой — досада на то, что один из лучших мастеров художественного слова не проявил достаточно ответственного отношения к своему искусству.

Н. ГОЛУБЕНЦЕВ.